

ГАСТОН ЛЕРУ

ТАЙНА ЖЕЛТОЙ КОМНАТЫ
ДУХИ ДАМЫ В ЧЕРНОМ

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Гастон Леру

Тайна Желтой комнаты. Духи Дамы в черном

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

indd предоставлен правообладателем
https://litres.ru/67749821
Гастон Леру Тайна Желтой комнаты Духи Дамы в черном:
ISBN 978-5-17-147875-9

Аннотация

В центре сюжета «Тайны Желтой комнаты» – «невозможное» преступление. В замке Гландье, неподалеку от Парижа, совершено покушение на молодую даму – дочь известного ученого. Жертва чудом осталась в живых, но не может ничего рассказать о преступнике. Как убийца смог проникнуть в комнату, если двери были надежно заперты, а решетка на окне осталась нетронутой? Он словно бы возник из воздуха и в воздухе же растворился. Но у Жозефа Рультабийля есть собственная, отнюдь не мистическая версия случившегося… В сборник также включен второй роман цикла – «Духи Дамы в черном». Оба произведения не раз экранизированы, в том числе мэтром французского кино Марселем Л'Эрбье.

Содержание

Тайна желтой комнаты 5
Глава 1, 5
Глава 2, 17
Глава 3 25
Глава 4 38
Глава 5, 45
Глава 6 51
Глава 7, 68
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Гастон Леру
Тайна Желтой комнаты
Духи Дамы в черном

Gaston Leroux
LE MYSTÈRE DE LA CHAMBRE JAUNE
LE PARFUM DE LA DAME EN NOIR

Перевод с французского И. Русецкого
Серия «Эксклюзивная классика»
Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

© Перевод. И. Русецкий, наследники, 2022
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Тайна желтой комнаты

Глава 1,
в которой начинается необъяснимое

Не без волнения приступаю я к рассказу о необычайных приключениях Жозефа Рультабийля. До сегодняшнего дня он столь категорически возражал против этого, что я уже отчаялся опубликовать когда-либо самую занятную детективную историю из тех, что случились за последние пятнадцать лет. Я думал даже, что публика никогда не узнает всей правды об удивительном деле Желтой комнаты и связанных с ним таинственных, ужасных и сенсационных событиях, в которых мой друг принимал самое непосредственное участие. Однако недавно некая вечерняя газета в связи с награждением прославленного Стейнджерсона Большим крестом Почетного легиона вспомнила в на редкость невежественной, а может быть, просто лживой статье об этой жуткой истории, которую Жозеф Рультабийль, по его словам, хотел бы забыть навсегда.

Желтая комната! Кто теперь помнит об этом деле, заставившем пятнадцать лет назад пролиться столько чернил? В Париже так скоро обо всем забывают! А ведь в свое время

буквально весь мир в течение нескольких месяцев недоумевал перед этой загадкой, на мой взгляд, самой необъяснимой в истории нашей полиции и суда. Каждый искал решение столь непостижимой задачи. Над нею ломали голову и старая Европа, и юная Америка. И поистине – я позволю себе так выразиться, поскольку не тешу свое авторское тщеславие, а лишь излагаю факты, которые благодаря предоставленным мне сведениям предстают в совершенно новом свете, – так вот, поистине я не думаю, что в какой-либо области реального или воображаемого, даже у автора «Убийства на улице Морг», даже в измышлениях подражателей Эдгара По или правдивых рассказах Конан Дойла, можно найти что-то, что сравнилось бы по таинственности с историей Желтой комнаты.

Разгадку, которую не мог найти никто, отыскал юный Жозеф Рультабийль, в ту пору восемнадцатилетний начинающий репортер известной газеты. Но, предоставив суду ключ к делу, всей правды он не открыл, рассказав лишь то, что было необходимо для «объяснения необъяснимого» и оправдания невиновного. Сегодня у него уже нет причин что-либо скрывать. Более того, мой друг обязан говорить. Итак, вы узнаете все; а теперь, без лишних предисловий, я обрисую загадку Желтой комнаты в том виде, в каком узнал ее весь мир на следующий день после драмы в замке Гландье.

25 октября 1892 года в вечернем выпуске газеты «Тан» появилось следующее сообщение:

«В замке Гландье, расположенном на опушке леса Сент-Женевьев неподалеку от Эпине-сюр-Орж и принадлежащем профессору Стейнджерсону, совершено страшное преступление. Сегодня ночью, когда ученый трудился у себя в лаборатории, была сделана попытка убить м-ль Стейнджерсон, которая спала в комнате, примыкающей к лаборатории. По мнению врачей, жизнь м-ль Стейнджерсон в опасности».

Можете себе представить, какое волнение охватило Париж. В то время весь ученый мир с большим интересом следил за работами профессора Стейнджерсона и его дочери. Это были первые работы по рентгенографии, продолжив которые, г-н и г-жа Кюри открыли впоследствии радий. К тому же все тогда находились в ожидании: профессор Стейнджерсон намеревался прочесть в Академии наук сенсационный доклад, касающийся новой теории распада материи. Теория эта должна была поколебать основы официальной науки, долгое время провозглашавшей принцип: ничто не исчезает бесследно и не возникает из ниоткуда.

На следующий день утренние газеты уже вовсю трубили о случившемся. В частности, «Матен» опубликовала следующую статью, озаглавленную «Сверхъестественное преступление».

«Сообщаем подробности, – писал неизвестный сотрудник

газеты, – которые нам удалось узнать о преступлении в замке Гландье. Отчаяние профессора Стейнджерсона и невозможность получить какие-либо сведения от жертвы сделали расследование столь трудным, что сейчас никто не имеет ни малейшего понятия о том, что же произошло в Желтой комнате, где была найдена м-ль Стейнджерсон: в одной ночной сорочке она лежала на полу и хрипела. Однако нам удалось расспросить папашу Жака – так тут называют старого слугу семейства Стейнджерсонов.

Папаша Жак проник в Желтую комнату одновременно с профессором. Комната эта примыкает к лаборатории. Лаборатория и Желтая комната помещаются в небольшом павильоне, стоящем в глубине парка примерно в трехстах метрах от замка.

– Случилось это в половине первого ночи, – рассказал нам добрый старик. – Я тогда был в лаборатории; господин Стейнджерсон все еще работал. Я прибирался там весь вечер и уже ждал ухода господина Стейнджерсона, чтобы самому пойти спать. Мадемуазель Матильда трудилась с отцом до полуночи; когда на стенных часах пробило полночь, она встала и, поцеловав господина Стейнджерсона, пожелала ему доброй ночи. Мне она тоже сказала: «Спокойной ночи, папаша Жак» – и отворила дверь Желтой комнаты. Потом мы услышали, как она заперла ее на ключ и задвинула засов, – я даже рассмеялся и сказал господину профессору: «Наша барышня закрывается на два запора – не иначе как

боится Божьей Коровки!» Но профессор был так занят, что ничего не слышал. И тут снаружи раздалось отвратительное мяуканье. Я сразу узнал голос Божьей Коровки – аж дрожь по телу… «Неужели она и сегодня ночью будет мешать всем спать?» – подумал я. Надо вам сказать, сударь, что до конца октября я живу на чердаке павильона, как раз над Желтой комнатой, чтобы барышня не оставалась по ночам одна. Это она придумала жить в теплое время в павильоне – ей там кажется веселее, чем в замке. Все четыре года, как построили павильон, она каждую весну переезжает туда. А с приходом зимы возвращается в замок, потому что в Желтой комнате нет камина… Ну так вот. Мы с господином Стейнджерсоном были в домике. Оба мы сидели тихо: он у себя за столом, я, закончив дела, присел на стул, смотрел на профессора и думал: «Какой умница! А сколько всего знает!» Я говорю, мы сидели тихо, и поэтому убийца наверняка думал, что мы ушли. И вдруг, как раз когда часы били половину первого, из Желтой комнаты раздался отчаянный крик барышни: «Убивают! Убивают! На помощь!» Тут же громыхнули выстрелы, загрохотала мебель, словно там шла борьба, и мы опять услыхали крик: «Убивают! На помощь! Отец! Отец!»

Мы с господином Стейнджерсоном, ясное дело, вскочили и бросились к двери. Но увы, она была заперта, как я уже говорил, и очень крепко – на ключ и засов. Мы попытались ее высадить, но она не поддавалась. Господин Стейнджерсон словно обезумел, да и было от чего: мы хорошо слышали, как

барышня хрипло кричит: «На помощь! На помощь!» Господин Стейнджерсон со страшной силой колотил в дверь, плача от ярости, отчаяния и беспомощности. И тут меня осенило. «Убийца проник через окно!» – воскликнул я и как сумасшедший выскочил из павильона. На беду, окно Желтой комнаты выходит в поле, и стена, что ограждает парк и примыкает к павильону, мешала мне сразу добраться до этого окна. Чтобы попасть к нему, нужно было выйти из парка. Я бросился к воротам и по дороге встретил привратника Бернье с женой, которые спешили к павильону, привлеченные выстрелами и криками. В двух словах я объяснил им, в чем дело, и велел привратнику бежать к господину Стейнджерсону, а его жена тем временем открыла мне ворота парка. Через пять минут мы с ней стояли перед окном Желтой комнаты. Луна светила ярко, и я хорошо видел, что к нему никто не притрагивался. Решетка не тронута, даже ставни за решеткой закрыты – я сам каждый день под вечер их запираю, хотя барышня знает, что у меня много работы и я устаю, и как-то сказала, что станет закрывать их сама; вот они и были заперты изнутри на железную задвижку. Стало быть, убийца не мог ни влезть в окно, ни выскочить из него, но и я не мог проникнуть в комнату.

Вот несчастье! Было от чего потерять голову. Дверь комнаты заперта изнутри на ключ, ставни единственного окна закрыты, тоже изнутри, а сверх того еще решетка, через которую и руку-то не просунешь… А барышня зовет на по-

мощь! Хотя нет, кричать она тогда уже перестала. Я подумал, может, она уже умерла… Но было слышно, как профессор все еще пробует взломать дверь.

Мы с привратницей повернули назад и возвратились в павильон. Дверь еще держалась, несмотря на яростные удары господина Стейнджерсона и Бернье. Наконец она подалась, и что же мы увидели? Нужно сказать, что позади нас стояла привратница с яркой лампой, освещавшей всю комнату. Еще, сударь, хочу вам сказать, что Желтая комната совсем невелика. Барышня поставила в ней довольно большую железную кровать, маленький стол, ночной столик, туалет и два стула. И вот при свете большой лампы, которую держала привратница, мы разом окинули взглядом всю комнату. Посредине лежала барышня в ночной сорочке. Перевернутые столы и стулья говорили о том, что она боролась не на жизнь, а на смерть. Барышня была вся в крови, а на шее у нее виднелись жуткие следы ногтей, настоящие раны; из пробитого правого виска сочилась кровь, на полу даже собралась небольшая лужа. Когда господин Стейнджерсон увидел дочь в таком состоянии, он бросился к ней с отчаянным криком – аж сердце сжалось от жалости. Увидев, что несчастная еще дышит, он с той минуты занимался только ею. Мы же принялись искать этого негодяя, который хотел убить нашу хозяйку, и клянусь вам, сударь, попадись он нам, ему пришлось бы туго. Но почему его там не оказалось? Как ему удалось скрыться? Это выше моего понимания. Под кроватью

– никого, за столами, стульями – тоже никого! Мы нашли лишь следы, которые он оставил: кровавые отпечатки огромной мужской руки на стене и двери, пропитавшийся кровью большой платок без всяких там инициалов, старый берет да много отпечатков ног на полу. У человека, побывавшего в комнате, была большая нога; подошвы везде оставили следы какой-то черноватой пыли. Как он вошел в комнату? Как скрылся? Не забывайте, сударь, что в Желтой комнате нет камина. Он не мог выскользнуть в дверь – она очень узкая, да к тому же на пороге стояла привратница с лампой, пока мы с привратником обшаривали эту комнатку. Спрятаться там просто негде, и мы, понятное дело, никого не нашли. За взломанной дверью тоже было не укрыться, мы в этом убедились. Через окно с плотно запертыми ставнями и нетронутой решеткой убежать невозможно. Значит, что же? Клянусь вам, сударь, тут мне пришел на ум дьявол.

Но как вы думаете, что мы нашли на полу? Мой револьвер. Да, мой собственный револьвер. Это меня отрезвило. Дьявол не стал бы красть у меня револьвер, чтобы убить барышню. Человек, проникший сюда, поднялся сперва ко мне на чердак, взял из ящика револьвер и воспользовался им для своих гнусных замыслов. Мы проверили барабан и обнаружили, что убийца стрелял дважды. Как бы то ни было, сударь, мне повезло: когда случилось несчастье, господин Стейнджерсон был в лаборатории и собственными глазами видел, что я тоже был там, потому что с этим револьвером

мы бог знает до чего бы дошли – я мог угодить за решетку. Полиции ведь немного нужно, чтоб послать человека на плаху».

После интервью шли следующие строки:

«Мы, не вмешиваясь, позволили папаше Жаку рассказать в общих чертах то, что он знает о преступлении в Желтой комнате. Мы сохранили все его выражения и лишь избавили читателей от многочисленных сетований, которыми он уснастил свой рассказ. Но ведь это понятно, папаша Жак! Понятно, что вы любите своих хозяев! Вам нужно, чтобы об этом знали, и вы все время твердите об этом, особенно с момента обнаружения револьвера. Это ваше право, и мы не видим тут ничего неуместного. Только мы собрались задать папаше Жаку – Жаку Луи Мустье – несколько вопросов, как его позвали к следователю, проводившему допросы в большом зале замка. Проникнуть в Гландье нам не удалось, а дубовая роща, где стоит павильон, была окружена полицейскими, ревностно выискивающими любой след, который вел бы к павильону, а быть может, и к разоблачению убийцы.

Нам также хотелось порасспросить привратников, но их нигде не было видно. В конце концов мы устроились в трактире, неподалеку от ворот замка, чтобы подождать г-на де Марке, следователя из Корбейля. В половине шестого он вышел вместе со своим письмоводителем. Пока он садился в

экипаж, нам удалось задать ему следующие вопросы:

– Не могли бы вы, господин де Марке, сообщить нам что-либо по этому делу, разумеется, без ущерба для следствия?

– Сейчас мы не можем ничего сказать, – ответил г-н де Марке. – Впрочем, это дело – самое странное из всех, с какими мне приходилось сталкиваться. Только нам начинает казаться, что мы что-то узнали, как обнаруживается, что мы не знаем ничего.

Мы попросили г-на де Марке пояснить последние слова. Важность его ответа, надеемся, поймет каждый.

– Если к вещественным доказательствам, собранным сегодня прокуратурой, ничего не прибавится, я боюсь, что тайна, окружающая гнусное покушение на мадемуазель Стейнджерсон, останется неразгаданной. Однако следует надеяться, что тщательные измерения толщины стен, потолка и пола Желтой комнаты, измерения, которыми я собираюсь заняться завтра вместе с подрядчиком, строившим четыре года назад этот павильон, дадут нам доказательства того, что нужно всегда уповать на логику вещей. Проблема заключается вот в чем: мы знаем, как убийца проник в комнату – вошел в дверь и спрятался под кровать, ожидая прихода мадемуазель Стейнджерсон. Но как он оттуда вышел? Как ему удалось убежать? Если мы не найдем ни лаза, ни потайной двери или чулана, если, измерив толщину стен и даже разрушив их – и я, и господин Стейнджерсон готовы на все, вплоть до сноса павильона, – если и после всего этого мы не найдем

какой-либо проход, пригодный пусть даже не для человека, но для любого живого существа, если в потолке нет никаких незаметных проемов, а под полом – подвала, нам останется лишь поверить в дьявола, как выразился папаша Жак!»

Далее неизвестный сотрудник газеты отмечал в своей статье, которую я выбрал как наиболее интересную из всего опубликованного в тот день, что следователь, похоже, вложил какой-то свой смысл в последнюю фразу: «Тогда нам останется лишь поверить в дьявола, как выразился папаша Жак».

Заканчивалась статья следующим:

«Нам захотелось узнать, что папаша Жак имел в виду под словами «голос Божьей Коровки». Хозяин трактира «Донжон» объяснил, что так здесь называют необычайно зловещие вопли, издаваемые иногда по ночам кошкой, которая принадлежит местной жительнице, старухе по прозвищу Молельщица. Матушка Молельщица – это отшельница, живущая в хижине, в самой гуще леса, неподалеку от грота Святой Женевьевы.

Желтая комната, Божья Коровка, матушка Молельщица, дьявол, святая Женевьева, папаша Жак – вот действующие лица запутанного преступления, которое завтра, надеемся, будет распутано ударом кирки. А пока нам остается лишь ве-

рить, что м-ль Стейнджерсон, которая все еще бредит, произнося лишь одно слово: «Убийца», не уйдет этой ночью в мир иной».

Эта же газета в полученном в последний час сообщении объявила, что начальник уголовной полиции вызвал телеграфом из Лондона знаменитого инспектора Фредерика Ларсана, который находился там по делу о краже ценных бумаг.

Глава 2,
в которой впервые появляется Жозеф Рультабийль

Я помню, словно это произошло лишь вчера, как в то утро юный Рультабийль появился у меня в комнате. Было около восьми часов, и я еще лежал в постели, читая статью «Матен» о преступлении в Гландье.

Однако прежде всего мне хотелось бы представить вам моего друга. Когда я познакомился с Жозефом Рультабийлем, он только начинал как газетный репортер. Я был тогда молодым адвокатом и часто встречал его в коридорах прокуратуры, куда приходил испросить у следователя разрешение встретиться со своими подзащитными в тюрьме Мазас или Сен-Лазар. Рультабийль был симпатичный малый с круглой, как шар, головой, румяный, то веселый, как жаворонок, то серьезный, словно папа римский. Каким образом он, такой молодой – когда я увидал его впервые, ему не было и семнадцати, – ухитряется зарабатывать себе на хлеб журналистикой? Этим вопросом задавался всякий, кто не знал, как он дебютировал. А дело было так: когда на улице Оберкампф обнаружили расчлененный труп женщины, Рультабийль принес главному редактору «Эпок» – газеты, конкурировавшей в ту пору с «Матен», – левую ступню, отсутство-

вавшую в корзине, где были найдены зловещие останки. Эту ступню, которую полиция безуспешно искала целую неделю, он нашел в сточной канаве, куда никто даже не удосужился заглянуть. Для этого ему пришлось наняться в бригаду водопроводчиков, собранную муниципалитетом Парижа для ликвидации ущерба, который причинил городу необычайно сильный разлив Сены.

Когда главный редактор заполучил драгоценную ступню и понял, благодаря каким остроумным рассуждениям молодому человеку удалось ее отыскать, его охватили два чувства: восхищение проницательностью шестнадцатилетнего мальчишки и ликование по поводу того, что он может выставить на всеобщее обозрение «левую ступню с улицы Оберкампф». «Из этой ступни, – воскликнул он, – я сделаю передовицу!» Потом, отдав зловещий пакет редакционному врачу, он поинтересовался у Рультабийля, сколько тот хочет жалованья, если согласится стать репортером отдела происшествий. «Двести франков в месяц», – скромно ответил молодой человек, едва не задохнувшись от неожиданного предложения. «Получите двести пятьдесят, – возразил редактор, – но если объявите публично, что работаете у нас в редакции уже месяц. Тогда всем станет ясно, что «левую ступню с улицы Оберкампф» нашли не вы, а газета «Эпок». У нас, мой юный друг, личность – ничто, газета – все!»

Вскоре новый сотрудник приобрел много друзей, так как отличался услужливостью и веселым нравом, чем очаровы-

вал самых ворчливых и обезоруживал самых завистливых. В кафе, где собирались репортеры отделов происшествий, прежде чем подняться в прокуратуру или префектуру в поисках новых преступлений, у него начала создаваться репутация сметливого парня, для которого даже двери шефа уголовной полиции не преграда. Если главный редактор поручал Рультабийлю стоящее дело, репортеру не раз случалось утереть нос самым знаменитым инспекторам полиции.

В этом-то кафе у меня и завязалось с ним более тесное знакомство. Адвокаты по уголовным делам и журналисты не враждуют между собой: одним нужна реклама, другим – сведения. Мы разговорились, и я тут же почувствовал глубокую симпатию к этому славному парнишке. У него был чрезвычайно живой и оригинальный ум и весьма своеобразный способ мышления.

Некоторое время спустя я взялся вести судебную хронику в газете «Кри дю бульвар». С моим приходом в журналистику наша дружба с Рультабийлем стала только крепче. Чем больше я его узнавал, тем сильнее любил; под маской веселого сумасбродства он скрывал необычайную для своих лет серьезность. Я уже привык к тому, что обычно он оживлен, порою даже слишком, но мне не раз приходилось видеть его погруженным в глубокую грусть. Я пытался выведать у него причину такой изменчивости, но он всякий раз только смеялся и ничего не отвечал. Однажды я спросил его о родителях – он никогда о них не рассказывал, – но Рультабийль тут

же отошел в сторону, сделав вид, что не расслышал.

Тем временем разразилось нашумевшее дело Желтой комнаты, сделавшее его первым не только среди репортеров, но и среди сыщиков всего мира: не следует удивляться сочетанию этих достоинств в одном человеке, поскольку уже тогда ежедневные газеты стали походить на теперешние, то есть на хронику преступлений. Люди мрачные сетуют на это, я же считаю, что нас надо с этим поздравить – ведь чем больше и общество, и частные лица будут бороться с преступниками, тем лучше. Мрачно настроенные люди могут возразить, что, уделяя столько внимания преступлениям, пресса в конечном счете их вызывает. Но на таких ведь никогда не угодишь, верно?

Итак, 26 октября 1892 года Рультабийль оказался у меня в комнате. Он был румянее обычного, широко раскрытые глаза выдавали крайнее возбуждение. Размахивая номером «Матен», он вскричал:

– Ну, дорогой Сенклер, читали?

– О преступлении в Гландье?

– Да, о Желтой комнате! Что вы об этом думаете?

– Думаю, черт побери, что преступление совершил дьявол или Божья Коровка.

– Нет, кроме шуток.

– Знаете, я не очень-то верю в убийц, которые просачиваются сквозь стены. По-моему, папаша Жак совершил ошибку, оставив в комнате орудие преступления, и поскольку он

живет над комнатой мадемуазель Стейнджерсон, архитектурная операция, которую собирается провести сегодня следователь, даст ключ к решению этой загадки, и мы вскоре узнаем, через какой лаз или потайную дверь молодчик мог проскользнуть, чтобы тут же вернуться в лабораторию за спиной ничего не подозревавшего господина Стейнджерсона. Что вы на это скажете? Неплохая гипотеза?

Рультабийль уселся в кресло, раскурил трубку, с которой никогда не расставался, и несколько минут молча курил – явно для того, чтобы справиться с возбуждением, – после чего пренебрежительно бросил:

– Молодой человек, вы адвокат, и я ничуть не сомневаюсь в ваших способностях заставить суд оправдать виновного, но если когда-нибудь вы станете следователем, то вы с такой же легкостью сможете заставить суд осудить невинного. Вы поистине талантливы, молодой человек. – Он выпустил несколько клубов дыма и продолжал: – Никакого лаза не найдут, и тайна Желтой комнаты сделается еще таинственнее. Потому-то она меня и интересует. Следователь прав: свет не видывал ничего более странного, чем это преступление.

– У вас есть догадка относительно того, как мог скрыться убийца? – спросил я.

– Нет, – ответил Рультабийль, – пока нет. Но зато у меня есть догадка относительно револьвера. Им воспользовался не убийца.

– Но тогда кто же?

– Ладно, скажу, хотя… Мадемуазель Стейнджерсон.

– Не понимаю. Решительно не понимаю.

– Скажите, в этой статье вас ничто не удивило? – спросил, пожав плечами, Рультабийль.

– Да нет. По-моему, там все одинаково странно.

– Это так, но… А запертая на ключ дверь?

– Самая объяснимая вещь во всей этой истории.

– Вот именно! А засов?

– Засов?

– Да, задвинутый изнутри засов. Мне кажется, мадемуазель Стейнджерсон кого-то опасалась; она приняла меры предосторожности и даже взяла у папаши Жака револьвер без его ведома. Понятно, она не хотела никого пугать, в особенности отца. Но то, чего мадемуазель Стейнджерсон боялась, все же случилось; она стала защищаться, завязалась борьба, и ей удалось довольно ловко воспользоваться револьвером и ранить убийцу в руку – вот откуда взялись кровавые отпечатки ладони на стене и двери: этот человек на ощупь искал выход, – однако выстрелила она недостаточно быстро, чтобы избежать страшного удара в правый висок.

– Значит, мадемуазель Стейнджерсон ранили не из револьвера?

– В газете об этом ничего нет, но мне кажется логичным, что мадемуазель Стейнджерсон воспользовалась им, защищаясь от убийцы. Но тогда каким оружием воспользовался убийца? Ему не удалось задушить мадемуазель Стейнджер-

сон, и он решил покончить с нею ударом в висок. Он, должно быть, знал, что на чердаке живет папаша Жак, и, видимо, поэтому решил воспользоваться каким-нибудь «тихим» оружием – дубинкой или, может быть, молотком.

– Но все это не объясняет, каким образом убийца покинул Желтую комнату, – возразил я.

– Разумеется, – ответил, вставая, Рультабийль, – а так как объяснить это надо, я еду в замок Гландье и зашел, чтобы взять вас с собой.

– Меня?

– Да, мой друг, вы мне нужны. «Эпок» поручила это дело мне, и я должен как можно скорее выяснить, что к чему.

– Но чем я-то могу вам помочь?

– Господин Робер Дарзак сейчас в замке.

– Да, верно. Он, должно быть, в страшном отчаянье.

– Мне нужно с ним поговорить, – произнес Рультабийль тоном, который меня удивил.

– Вы полагаете, он сообщит вам что-нибудь интересное?

– Да.

Больше мне не удалось вытянуть из Рультабийля ни слова. Он прошел в гостиную, попросив меня одеться побыстрее.

Я познакомился с Робером Дарзаком, когда помогал ему в одном гражданском процессе, будучи секретарем мэтра Барбе-Делатура. Сорокалетний профессор физики в Сорбонне Робер Дарзак был близко связан с семейством Стейнджерсонов, поскольку после семи лет прилежных ухаживаний ре-

шил наконец жениться на мадемуазель Стейнджерсон – уже не юной (ей было лет тридцать пять), но замечательно красивой женщине.

Одеваясь, я крикнул Рультабийлю, с нетерпением дожидавшемуся меня в гостиной:

– У вас уже сложилось мнение об общественном положении убийцы?

– Да, мне кажется, что он если не человек света, то, во всяком случае, занимает в обществе не самое низкое положение. Но это лишь догадки.

– А почему вы так думаете?

– Об этом говорят засаленный берет, простой платок, следы грубых башмаков, – ответил молодой человек.

– Понимаю: такое количество улик оставляют только затем, чтобы создать ощущение их истинности!

– Из вас выйдет толк, дорогой Сенклер, – заключил Рультабийль.

Глава 3
«Он прошел сквозь ставни, как призрак»

Полчаса спустя мы с Рультабийлем стояли на перроне Орлеанского вокзала, дожидаясь отхода поезда на Эпине-сюр-Орж. Прибыла на вокзал и прокуратура Корбейля в составе г-на де Марке и его письмоводителя. Вместе с последним г-н де Марке провел ночь в Париже, чтобы присутствовать в одном из театров на генеральной репетиции пьески, сочиненной им самим и подписанной скромным псевдонимом Castigat Ridendo[1].

С виду г-н де Марке походил на благородного старца. Он всегда был необычайно учтив и галантен и всю свою жизнь питал лишь одну страсть – к драматургии. Служа по судебной части, он интересовался только делами, из которых можно было набрать материала хотя бы на одно действие. Благодаря хорошему происхождению он мог бы достичь в суде более высокого положения, однако вечное стремление к высокому искусству привело его в результате к должности следователя Корбейля да к скабрезной пьеске, подписанной

[1] Бичующий смехом*(лат.)* – от выражения, которое было девизом итальянской труппы комического актера Доминика в Париже, сочиненным для нее новолатинским поэтом Сантелем (XVII в.); позже – девизом парижского театра «Опера комик».

Castigat Ridendo.

Дело Желтой комнаты, по его мнению, необъяснимое, не могло не соблазнить столь литературный ум. Г-н де Марке заинтересовался им чрезвычайно, но не как судебный чиновник, который жаждет докопаться до истины, а как любитель драматических интриг, все способности которого направлены на то, чтобы запутать их получше и как можно дольше не дать зрителю догадаться, в чем дело.

Поравнявшись с г-ном де Марке, я услышал, как он со вздохом сказал письмоводителю:

– Только бы, дорогой господин Мален, ах, только бы этот подрядчик не разрушил своей киркой такую великолепную тайну!

– Не беспокойтесь, – ответил г-н Мален, – его кирка может разрушить домик, но тайна останется в целости и сохранности. Я простучал стены, осмотрел потолок и пол, так что знаю наверное. Ошибки быть не может, и волноваться нам нет причин: мы не узнаем ничего.

Успокоив таким образом начальника, г-н Мален неприметным движением головы указал ему на нас. Тот нахмурился и, увидев, что Рультабийль снял шляпу и подходит к нему, поспешно вскочил в вагон, бросив вполголоса:

– Главное – никаких журналистов!

– Понятно! – ответил г-н Мален и, пытаясь заслонить собою вход в купе следователя, произнес: – Извините, господа, купе занято.

– Я журналист, сударь, сотрудник «Эпок», – представился мой друг, весьма учтиво поздоровавшись с письмоводителем. – Мне нужно сказать господину де Марке несколько слов.

– Господин де Марке весьма занят расследованием.

– Можете поверить, его расследование мне совершенно безразлично. Я не занимаюсь раздавленными собаками, – заявил молодой человек, выразив при помощи нижней губы бесконечное презрение к рубрике происшествий. – Я театральный хроникер, и поскольку мне нужно будет сделать отчет о сегодняшней премьере…

– Проходите, сударь, прошу вас, – тут же согласился письмоводитель, уступая Рультабийлю дорогу.

Тот переступил порог купе, я зашел следом и сел рядом с ними; г-н Мален поднялся в вагон и закрыл дверцу. Г-н де Марке взглянул на него.

– Ах, сударь, не сердитесь на этого достойного человека за то, что он позволил мне нарушить ваш запрет, – начал Рультабийль. – Я хотел бы иметь честь говорить не с господином де Марке, а с господином Castigat Ridendo. Позвольте мне вас поздравить, и как театральный хроникер «Эпок» я… – И Рультабийль представил сначала меня, потом представился сам.

Г-н де Марке беспокойно поглаживал свою остроконечную бородку. В нескольких словах он объяснил Рультабийлю, что как автор слишком скромен и не желает поэтому,

чтобы завеса его псевдонима была публично приоткрыта, а также надеется, что восторг журналиста по поводу его сочинения не зайдет столь далеко, чтобы сообщить публике, что господин Castigat Ridendo – не кто иной, как следователь из Корбейля.

– Работа драматурга, – добавил он после секундного колебания, – может повредить работе следователя, особенно в провинции, где люди несколько консервативны…

– Можете положиться на мою скромность! – воскликнул Рультабийль, воздевая руки к небу.

Поезд тронулся.

– Уже едем! – воскликнул следователь, удивленный, что мы отправились в путь вместе с ним.

– Да, сударь, истина пустилась в путь, – любезно улыбнувшись, сказал репортер, – в путь к замку Гландье. Славное дельце, господин де Марке, славное дельце!

– Очень туманное дело! Невероятное, непостижимое, необъяснимое дело. Я боюсь лишь одного, господин Рультабийль, что журналисты станут пытаться его объяснить.

– Да, – ответил мой друг, услышав этот недвусмысленный намек, – этого следует опасаться. Всюду они лезут… Но я, господин следователь, разговариваю с вами по чистой случайности, которая свела нас в одном купе.

– А куда вы едете? – поинтересовался г-н де Марке.

– В замок Гландье, – без запинки ответил Рультабийль.

– Вы не войдете туда, господин Рультабийль! – привско-

чил г-н де Марке.

– А что, вы против? – ощетинился мой друг, готовый к бою.

– Ну что вы! Я слишком люблю прессу и журналистов, чтобы чинить им препятствия в чем бы то ни было, однако господин Стейнджерсон никого не принимает. Дом хорошо охраняется – вчера ни одному журналисту не удалось проникнуть даже в парк при замке.

– Тем лучше, – обрадовался Рультабийль, – я приеду вовремя.

Г-н де Марке поджал губы и, казалось, был готов замкнуться в упрямом молчании. Однако длилось это недолго: Рультабийль незамедлительно сообщил, что мы едем в Гландье, чтобы пожать руку «старому доброму другу», как выразился он, имея в виду Робера Дарзака, которого видел раз в жизни.

– Бедняга Робер! – продолжал юный репортер. – Бедняга Робер! Должно быть, он близок к смерти – он ведь так любил мадемуазель Стейнджерсон.

– Это правда. Господин Дарзак в таком горе, что на него жалко смотреть, – нехотя процедил г-н де Марке.

– Но не следует терять надежду, что мадемуазель Стейнджерсон выживет.

– Да, будем надеяться. Вчера ее отец признался мне, что если она скончается, то он тоже проживет недолго. Какая невосполнимая потеря для науки!

– Рана на виске глубока, не так ли?

– Еще бы! Просто невероятно, что она не оказалась смертельной. Удар был чрезвычайно силен.

– Значит, мадемуазель Стейнджерсон ранили не из револьвера, – пробормотал Рультабийль, бросив на меня торжествующий взгляд.

Г-н де Марке очень смутился и, казалось, хотел воскликнуть: «Я ничего не говорил, не хочу ничего говорить и ничего не скажу!» Затем он отвернулся к секретарю, словно не желая нас больше знать. Но сбить Рультабийля с толку было не так-то просто. Он придвинулся к следователю и, показав ему добытый из кармана номер «Матен», спросил:

– У меня есть один вопрос, господин следователь, который, по-моему, не будет бестактным. Вы читали сообщение в «Матен»? Вздор какой-то, не правда ли?

– Вовсе нет, сударь!

– Ну как же! В Желтой комнате только одно окно, решетка на нем цела, дверь пришлось взломать, а убийцы в комнате не оказалось!

– Вот именно, сударь, вот именно! Точно так и обстоит дело.

Рультабийль не ответил и о чем-то задумался. Так прошло с четверть часа. Очнувшись от своих мыслей, он вновь обратился к следователю:

– А какая в тот вечер была у мадемуазель Стейнджерсон прическа?

– Не понимаю, – удивился г-н де Марке.

– Но это же необычайно важно, – настаивал Рультабийль. – Она была причесана на прямой пробор, верно? Я уверен, что в тот драматический вечер она была причесана на прямой пробор!

– Нет, вы ошиблись, господин Рультабийль, – возразил следователь. – В тот вечер волосы у мадемуазель Стейнджерсон были подняты и уложены в узел на затылке. Это ее обычная прическа. Лоб полностью открыт – говорю вам точно, потому что мы долго исследовали рану. На волосах крови не было, а после покушения к ее прическе никто не притрагивался.

– Это точно? Вы уверены, что в ночь покушения мадемуазель Стейнджерсон не была причесана на прямой пробор?

– Совершенно, – ответил, улыбнувшись, следователь, – я даже помню, как врач, осматривая рану, сказал: «Жаль, что мадемуазель Стейнджерсон всегда убирает волосы со лба. Причесывайся она на прямой пробор, волосы на виске смягчили бы удар». Однако же странно, что вы придаете этому такое значение.

– Раз у нее не было прямого пробора, то что же выходит? Хотел бы я знать… – Рультабийль огорченно махнул рукой и спросил: – А рана на виске серьезная?

– О да.

– А каким оружием она нанесена?

– Это, сударь, секрет следствия.

– Вы нашли оружие?

Следователь не ответил.

– А следы на горле?

На этот раз следователь соблаговолил сообщить, что, по мнению врачей, сжимай убийца горло еще несколько секунд, мадемуазель Стейнджерсон была бы задушена.

– Судя по статье в «Матен», – продолжал настаивать Рультабийль, – дело это совершенно необъяснимо. Не могли бы вы сказать, господин следователь, сколько в домике дверей и окон?

– Их пять, – откашлявшись, заявил г-н де Марке, который был уже не в силах сопротивляться своему желанию представить расследуемое им дело во всей его загадочности. – Их пять; дверь в переднюю, единственный вход в павильон, снабжена автоматическим замком. И снаружи, и изнутри он отпирается только ключом. Ключей два – один у папаши Жака, другой у господина Стейнджерсона. Мадемуазель Стейнджерсон ключ не нужен, поскольку в павильоне живет папаша Жак, а все дни она проводит с отцом. Когда случилось несчастье, входная дверь была, как всегда, заперта; один ключ находился в кармане у господина Стейнджерсона, другой – у папаши Жака. Что же касается окон, то их в павильоне четыре: одно в Желтой комнате, два в лаборатории и одно в передней. Окна лаборатории и Желтой комнаты выходят в поле, и только окно передней – в парк.

– Через это-то окно он и выскочил из павильона! – вскри-

чал Рультабийль.

– Как вы узнали? – изумился г-н де Марке, устремив на моего друга пристальный взгляд.

– Как убийца покинул Желтую комнату, увидим позже, – отозвался Рультабийль, – но из павильона он убежал через окно передней, это точно.

– Но все-таки как вы узнали?

– Бог мой, да это же так просто! Раз убийца не мог убежать через дверь, значит, он вылез в окно, а следовательно, в павильоне должно быть хотя бы одно окно без решетки. Окно Желтой комнаты зарешечено, так как выходит в поле; по той же причине должны быть зарешечены и оба окна лаборатории. Но раз убийца все-таки скрылся, я подумал, что одно окно должно быть без решетки и это окно – в передней, потому что оно выходит в парк, то есть на территорию имения. Ничего мудреного тут нет!

– Верно, – согласился г-н де Марке, – но вот чего вы не могли отгадать: на окне передней действительно нет решетки, но зато есть толстые железные ставни. Так вот, эти ставни были заперты изнутри на железную щеколду, и тем не менее у нас есть доказательства, что убийца вылез именно через это окно. Следы крови на стене и ставнях, отпечатки ног на земле, такие же, как в Желтой комнате, – все говорит о том, что убийца скрылся именно этим путем. Но как же так? Как мог он это сделать, если ставни так и остались заперты изнутри? Получается, что он прошел сквозь ставни, как призрак. Но

самое непостижимое даже не это. Совершенно невозможно вообразить, как он вышел из Желтой комнаты, как, никем не замеченный, пересек лабораторию, чтобы добраться до передней. Ах, господин Рультабийль, это просто невероятное дело! Ах, какое дело! И надеюсь, разгадка найдется еще не скоро!

– На что вы надеетесь, господин следователь?

– Я не надеюсь, – поправился г-н де Марке, – мне просто так кажется.

– Но окно могли запереть изнутри после бегства убийцы, правда? – спросил Рультабийль.

– Да, возможно, хотя и непонятно. Ведь тогда у него должен быть сообщник или сообщники, а я их не вижу, – проговорил следователь и, помолчав, добавил: – Вот если бы мадемуазель Стейнджерсон сегодня чувствовала себя лучше и ее можно было допросить…

– А чердак? Там ведь должно быть окно? – поинтересовался Рультабийль, следуя течению своих мыслей.

– Да, в самом деле, его я не сосчитал. Наверху есть небольшое окошко, вроде слухового, и так как выходит оно тоже на поле, то, как и остальные, снабжено решеткой. И она была нетронута, а ставни заперты изнутри. К тому же мы не нашли никаких следов, дающих возможность предположить, что убийца прошел через чердак.

– Стало быть, вы, господин следователь, не сомневаетесь, что убийца скрылся, хотя и неизвестно как, через окно в пе-

редней?

– Всё подтверждает это.

– Я тоже так полагаю, – важно согласился Рультабийль и, с минуту помолчав, добавил: – Коль скоро вы не нашли на чердаке никаких следов убийцы, к примеру, отпечатков обуви, какие были обнаружены на полу Желтой комнаты, то, наверное, были вынуждены признать, что не он украл у папаши Жака револьвер.

– На чердаке есть только следы папаши Жака, – признал следователь, значительно кивнув головой, после чего решил закончить мысль: – А папаша Жак был с господином Стейнджерсоном. Ему повезло.

– Какова же тогда роль револьвера папаши Жака в этой драме? Ведь, по-видимому, уже всем ясно, что мадемуазель Стейнджерсон ранила из него убийцу, а не он ее.

Оставив без ответа этот явно смутивший его вопрос, г-н де Марке сообщил, что в Желтой комнате найдены две пули – одна в стене, на которой был кровавый отпечаток руки, другая – в потолке.

– Ах, в потолке! – пробормотал Рультабийль. – Вот как? В потолке. Любопытно! В потолке. – Он умолк и запыхтел трубкой.

Когда мы прибыли в Эпине-сюр-Орж, я похлопал его по плечу, чтобы он спустился с небес на землю, точнее, на перрон. Следователь и письмоводитель распрощались с нами, дав понять, что достаточно уже насладились нашим обще-

ством, после чего поспешно сели в ожидавший их экипаж.

– Сколько отсюда ходу до Гландье? – спросил Рультабийль у какого-то железнодорожника.

– Часа полтора – час и три четверти, если идти не торопясь, – ответил тот.

Рультабийль посмотрел на небо и нашел, что оно устраивает его, а также, видимо, меня, поскольку он взял меня под руку и сообщил:

– Пошли! Мне нужно пройтись.

– Ну и как? Что-нибудь проясняется? – спросил я.

– Напротив, все еще больше запуталось. Но у меня есть одна догадка.

– Поделитесь!

– Нет, сейчас я ничего не могу вам сказать. От моей догадки зависит жизнь по крайней мере двух человек.

– Вы считаете, что у убийцы были сообщники?

– Нет, не считаю… – Мы немного помолчали, потом он заговорил снова: – Нам повезло, что мы встретили следователя с письмоводителем. Ну? Что я вам говорил насчет револьвера?

Он шел, засунув руки в карманы, глядя в землю и насвистывая. Через некоторое время я услышал, как он пробормотал:

– Бедняжка!

– Это вы о мадемуазель Стейнджерсон?

– Да, она женщина редкого благородства и заслуживает

всяческого сочувствия. У нее очень сильный характер… Я думаю, думаю…

– Так вы знакомы с мадемуазель Стейнджерсон?

– Вовсе нет. Я и видел-то ее всего раз в жизни.

– Так почему же вы говорите, что у нее сильный характер?

– Да потому что она сопротивлялась, потому что смело отбивалась от убийцы, а главное – из-за пули в потолке.

Я взглянул на Рультабийля, спрашивая себя in petto, не потешается ли он надо мной, а то и не спятил ли, чего доброго. Но мне сразу же стало ясно, что молодой человек отнюдь не расположен шутить, а в его кругленьких глазках светился такой ум, что я успокоился и насчет его рассудка. И потом, я привык к его бессвязным замечаниям – для меня бессвязным и таинственным до тех пор, пока он в нескольких коротких и точных фразах не объяснял ход своих мыслей. И тогда все сразу вставало на свои места: лишенные для меня смысла слова легко связывались в логическое целое, и оставалось лишь удивляться, как я не понял всего этого раньше.

Глава 4
На лоне природы

Замок Гландье – один из самых древних в Иль-де-Франсе[2], области, столь богатой руинами феодальной эпохи. Построенный при Филиппе Красивом, он стоит в нескольких сотнях метров от дороги, связывающей деревушку Сент-Женевьев-де-Буа с Монлери. Над группой составляющих его разномастных строений величаво возвышается донжон[3]. Когда посетитель, одолев его расшатанные ступени, выберется на небольшую площадку, над которой в XVII веке Жорже Филибер де Секиньи, владетель Гландье, Мезон-Нев и других угодий, надстроил безвкусную башенку в стиле рококо, в трех лье от себя он увидит господствующую над окрестными равнинами и долинами величественную башню Монлери. Долгие века смотрят друг на друга донжон и башня и над зеленеющими рощами да зарослями сухостоя вспоминают древние французские легенды. Говорят, что донжон замка Гландье охраняет тень героини и святой, доброй покровительницы Парижа, перед которой отступил сам Аттила. Святая Женевьева спит вечным сном неподалеку от древних стен замка. Летом влюбленные, решив позавтракать на трав-

---

[2] Область между Парижем и Орлеаном, историческое ядро Франции.

[3] Главная башня замка.

ке, приходят, небрежно помахивая корзинами с едой, чтобы помечтать или обменяться клятвами у ее могилы, любовно убранной незабудками. Невдалеке от могилы есть источник с чудотворной, по словам многих, водой. Благодарные матери поставили здесь статую святой Женевьевы, к ногам которой привязывают крохотные башмачки и чепчики детей, спасенных посредством воды из святого источника.

Вот здесь-то, в месте, которое, казалось бы, целиком принадлежит прошлому, и обосновались профессор Стейнджерсон с дочерью, чтобы заниматься наукой будущего. Им сразу же понравилось, что уголок скрыт в глубине леса от глаз людских. Свидетелями их трудов и надежд были здесь лишь старые камни да огромные дубы. Эти сегодня столь печально прославившиеся места благодаря небрежению или даже забвению хозяев вновь стали кусочком живой природы; одни лишь тамошние здания сохранили следы странных превращений. Каждый век оставил на них свой отпечаток, они хранили воспоминания о страшных происшествиях и яростных схватках; замок этот, где нашла прибежище наука, казалось, был нарочно создан служить сценой для мистерии ужаса и смерти.

Здесь я не могу не высказать вот какое соображение. Я немного задержался на печальной картине замка Гландье вовсе не потому, что мне представился случай создать атмосферу, необходимую для драмы, которая будет разворачиваться перед глазами у читателя; напротив, единственное

мое желание – описывать события насколько возможно проще. Я вовсе не претендую на роль автора. Когда говорят «автор», всегда подразумевают «романист», но, слава богу, в тайне Желтой комнаты столько трагического и ужасного, что можно обойтись без литературы. Я лишь излагаю факты и ни к чему другому не стремлюсь. Мне нужно рассказать вам о событиях, и я просто помещаю их в соответствующую обстановку – вот и все. Должны же вы знать, где это все происходит.

Но вернемся к г-ну Стейнджерсону. Когда он купил поместье – лет пятнадцать назад, – в Гландье уже давно никто не жил. Другой старый замок, находящийся неподалеку и построенный в XIV веке Жаном Бельмоном, тоже давно пустовал, так что вся округа стала почти необитаемой. Несколько домиков вдоль дороги, ведущей в Корбейль, да трактир «Донжон», дававший краткий приют проезжим людям, – вот, собственно, все приметы цивилизации в этих заброшенных местах, какие едва ли ожидаешь встретить в нескольких лье от столицы. Но сугубая уединенность и явилась решающим обстоятельством, повлиявшим на выбор г-на Стейнджерсона и его дочери. Г-н Стейнджерсон был тогда уже знаменит; он вернулся из Америки, где его работы наделали немало шума: опубликованная им в Филадельфии книга «Распад материи под воздействием электричества» вызвала протест всего ученого мира. Г-н Стейнджерсон был французом американского происхождения. Из-за важных дел по по-

лучению наследства ему пришлось несколько лет прожить в Соединенных Штатах. Там он продолжил начатую во Франции работу, куда и вернулся, чтобы ее закончить, предварительно обратив в деньги громадное наследство: все его судебные дела благополучно завершились – одни по решению суда, другие полюбовно. Неожиданное наследство оказалось как нельзя кстати. Г-н Стейнджерсон, если бы только захотел, мог заработать миллионы долларов на нескольких своих изобретениях, связанных с новыми химическими способами окраски, но ему претило использовать в личных целях свой великолепный дар; он не считал, что его гений принадлежит только ему. Все, что рождал его талант, профессор из филантропических побуждений отдавал людям. Он и не пытался скрыть удовлетворение, вызванное нежданным наследством, так как мог теперь до конца дней заниматься чистой наукой; однако с таким же успехом он способен был радоваться и по другому поводу. Когда г-н Стейнджерсон вернулся из Америки и купил Гландье, его дочери было двадцать лет. Она была необычайно хороша собой, соединив в себе парижское изящество матери, умершей при ее рождении, со здоровой молодой американской кровью деда, Уильяма Стейнджерсона. Этот уроженец Филадельфии принял французское гражданство по требованию семьи своей невесты-француженки, будущей матери прославленного профессора.

Прелестная двадцатилетняя блондинка с голубыми глазами и молочно-белой кожей, здоровая и сияющая, Матиль-

да Стейнджерсон считалась одной из самых красивых невест как старого, так и нового континента. Отец, несмотря на неизбежную разлуку, считал своим долгом подумывать о ее браке и поэтому ничуть не расстроился, получив для дочери приданое. Как бы там ни было, они с дочерью стали вести в замке жизнь затворников, хотя друзья его ожидали, что отец станет вывозить ее в свет. Некоторые, навестив их, объявляли, что дочь восхитительна. На все вопросы профессор отвечал: «Таково желание дочери. Я ни в чем не могу ей отказать. Она предпочитает Гландье». Когда же спрашивали ее, девушка безмятежно говорила: «Нигде мы не сможем работать так хорошо, как в этом уединении». М-ль Матильда Стейнджерсон уже тогда помогала отцу, но никто и предположить не мог, что ее страсть к науке дойдет до того, что в течение пятнадцати лет она будет отвергать все предлагаемые ей партии. Отец с дочерью вели жизнь отшельников, однако каждый год показывались на нескольких официальных приемах в салонах у своих друзей, где благодаря славе профессора и красоте Матильды производили сенсацию. Поначалу крайняя холодность девушки не обескураживала ее поклонников, но по прошествии нескольких лет они отступились. Остался лишь один, своим неясным упорством заслуживший прозвище «вечного жениха», с которым не без грусти смирился: это был Робер Дарзак. Теперь м-ль Стейнджерсон не была уже юной, и казалось, что если до тридцати пяти лет она не нашла причин, чтобы выйти замуж, то и

не найдет их никогда. Но довод этот, очевидно, не казался Роберу Дарзаку убедительным, поскольку он не прекращал ухаживаний, если только можно так назвать деликатную и трогательную заботу, которою он постоянно окружал засидевшуюся в девицах тридцатипятилетнюю женщину, к тому же решившую никогда не связывать себя узами брака.

И вот за несколько недель до описываемых событий по Парижу пополз слух, которому поначалу даже не придали значения, настолько он был невероятен: м-ль Стейнджерсон согласилась вознаградить неугасимый пыл Робера Дарзака. Поскольку сам Дарзак никак не опровергал эти матримониальные пересуды, стало ясно, что в этом невероятном слухе, может быть, и есть доля правды. Наконец однажды, выходя из Академии наук, профессор Стейнджерсон объявил, что бракосочетание его дочери с г-ном Робером Дарзаком будет отпраздновано в интимном кругу в замке Гландье тотчас после того, как они с дочерью завершат работу над докладом – итогом всех их исследований по распаду материи, то есть по превращению материи в эфир. Молодые супруги обоснуются в Гландье, и зять профессора примет участие в трудах, которым отец с дочерью посвятили свою жизнь.

Не успел ученый мир прийти в себя после этой новости, как все узнали о покушении на м-ль Стейнджерсон, совершенном при описанных уже невероятных обстоятельствах, уточнить которые мы и намеревались в замке.

Все эти подробности я знал из деловых бесед с Робером

Дарзаком; теперь я сообщил их читателю, чтобы он, пересекая порог Желтой комнаты, был осведомлен не хуже, чем я.

Глава 5,
в которой Рультабийль обращается к Роберу Дарзаку с фразой, возымевшей нужное действие

Несколько минут мы с Рультабийлем шли вдоль стены, ограждавшей обширные владения г-на Стейнджерсона, и уже увидели ворота, как вдруг внимание наше привлек некий субъект: склонясь над землей, он был настолько поглощен своим занятием, что даже не заметил нас. Он низко нагнулся, чуть не ложась на землю, затем выпрямился и стал внимательно разглядывать стену; потом, бросив взгляд на правую ладонь, широко зашагал, а затем, повторив тот же маневр, пустился бежать. Рультабийль остановил меня движением руки:

– Тсс! Фредерик Ларсан за работой! Не будем ему мешать.

К знаменитому сыщику Рультабийль относился с восхищением. Я Фредерика Ларсана никогда не встречал, но много знал о нем понаслышке.

Разгадка истории с похищенными с монетного двора золотыми слитками, найденная им, когда у всех уже опустились руки, а также арест грабителей, взломавших сейфы «Креди юниверсель», сделали его имя чуть ли не всенародно известным. Пока Рультабийль еще не обнаружил своего

необычайного таланта, Ларсан слыл за человека, способного распутать клубок любого самого таинственного и необъяснимого преступления. Слухи о нем разошлись по всему свету, и нередко полиция Лондона, Берлина и даже Америки звала его на помощь, когда местные полицейские заходили в тупик. Поэтому никто не удивился, когда в самом начале дела Желтой комнаты начальник уголовной полиции телеграфировал в Лондон своему неоценимому сотруднику, куда тот был командирован по поводу крупной кражи ценных бумаг, чтобы он немедленно возвращался. Фредерик, прозванный в полиции Большим Фредом, по всей вероятности, поспешил, зная из опыта, что уж если его беспокоят, стало быть, в нем возникла острая нужда; потому-то мы и застали его в то утро за работой. Вскоре мы поняли, в чем она заключалась.

В правой руке он держал не что иное, как часы, и, беспрестанно с ними сверяясь, вычислял какой-то срок. Он вернулся назад, снова проделал путь до ворот парка, взглянул на часы, положил их в карман и, обескураженно пожав плечами, толкнул ворота и вошел в парк. Заперев ворота, он поднял голову и увидал за воротами нас. Рультабийль подбежал к решетке, я за ним. Фредерик Ларсан ждал.

– Господин Фред, – сняв шляпу, почтительно обратился молодой репортер к знаменитому полицейскому, – не скажете ли, господин Робер Дарзак сейчас в замке? Со мною адвокат из Парижа, его друг, который желал бы с ним поговорить.

– Не знаю, господин Рультабийль, я его не видел, – ответил Фред, пожимая руку моему другу, которого он неоднократно встречал во время наиболее сложных расследований.

– По-видимому, мы можем осведомиться у привратников? – поинтересовался Рультабийль, указывая на небольшое кирпичное строение; окна и двери этого жилья верных стражей профессорской собственности были закрыты.

– Нет, не можете, господин Рультабийль.

– Это почему же?

– Потому что полчаса назад их арестовали.

– Арестовали? – воскликнул Рультабийль. – Значит, они убийцы?

– Когда нельзя арестовать убийцу, всегда можно доставить себе удовольствие и обнаружить сообщников, – пожав плечами, весьма язвительно ответил Фредерик Ларсан.

– Это вы их арестовали, господин Фред?

– Еще чего! Я не арестовывал их, во-первых, потому, что почти уверен, что они не имеют к делу никакого отношения, а потом…

– Что – потом? – с тревогой спросил Рультабийль.

– Потом… Да нет, ничего, – покачал головой Ларсан.

– Никаких сообщников не было! – выдохнул репортер.

Фредерик Ларсан запнулся и с интересом посмотрел на Руль-табийля.

– Ах, значит, у вас уже сложилось мнение по поводу этого дела? Но вы же ничего не видели, молодой человек. Вы даже

еще сюда не вошли.

– Войду.

– Сомневаюсь. Запрет вполне категоричен.

– Войду, если вы поможете мне повидаться с Робером Дарзаком. Сделайте это для меня. Мы с ним старые друзья – вы же знаете. Господин Фред, ну прошу вас! Вспомните, какую статью я написал о вас в связи с золотыми слитками. Шепните словечко господину Дарзаку, а?

Смотреть в эти секунды на лицо Рультабийля было очень забавно. Оно выражало такое жгучее желание переступить порог, за которым происходило нечто необыкновенное и таинственное, такая красноречивая мольба читалась во всех его чертах, что я не выдержал и рассмеялся. Улыбнулся и Фредерик Ларсан. Пока он, стоя за решеткой, прятал ключи в карман, я сумел его рассмотреть.

Ему было лет пятьдесят. Красивая голова с седеющими волосами, неяркий цвет лица, жесткий профиль, выпуклый лоб, тонко очерченные губы; щеки и подбородок были тщательно выбриты, небольшие круглые глаза пристально смотрели на собеседника, вызывая испуг и тревогу. Среднего роста, стройный, он был изящен, привлекателен и не походил на заурядного полицейского. В своем деле Ларсан достиг большого мастерства и знал об этом; чувствовалось, что ценит он себя достаточно высоко. Разговаривал он скептическим тоном человека, лишенного иллюзий. В силу своей необычной профессии он встречал столько преступлений,

столько гнусностей, что было удивительно, как ему удалось, по выражению Рультабийля, сохранить «остроту чувств».

Послышался шум экипажа, и Ларсан обернулся. Мы узнали одноколку, на которой следователь и письмоводитель уехали с вокзала в Эпине.

– Послушайте-ка! – воскликнул Ларсан. – Вы хотели поговорить с господином Дарзаком? Пожалуйста!

К воротам подъехал в одноколке Робер Дарзак и попросил Ларсана поскорее отпереть выход из парка, так как он опаздывает на ближайший поезд в Париж. Тут он заметил меня. Пока Ларсан отворял ворота, г-н Дарзак поинтересовался, что привело меня в Гландье в столь трагический момент. Я обратил внимание, что он чудовищно бледен, а лицо его искажено бесконечным страданием.

– Мадемуазель Стейнджерсон не лучше? – тотчас же спросил я.

– Лучше, – откликнулся он. – Быть может, ее спасут. Должны спасти.

Он не добавил: «или я умру», но чувствовалось, что слова эти готовы сорваться с его бескровных губ.

– Вы спешите, сударь, – вступил в разговор Рультабийль. – Но я должен с вами поговорить. Мне нужно сообщить вам нечто чрезвычайно важное.

– Я могу уйти? – прервал его Ларсан, обращаясь к Роберу Дарзаку. – У вас есть ключ или отдать вам этот?

– Спасибо, есть. Ворота я запру сам.

Ларсан быстро направился в сторону замка, громада которого высилась в нескольких сотнях метров от нас.

Робер Дарзак, нахмурившись, выказывал признаки нетерпения. Я представил Рультабийля как своего доброго друга, но, узнав, что он журналист, Дарзак взглянул на меня с упреком, извинился и, объяснив, что через двадцать минут ему нужно быть на вокзале в Эпине, стегнул лошадь. Однако, к моему удивлению, Рультабийль схватил лошадь под уздцы, сильной рукой остановив маленький экипаж, и произнес фразу, лишенную, на мой взгляд, всякого смысла:

– Дом священника все так же очарователен, а сад все так же свеж.

Не успел он это сказать, как я увидел, что Робер Дарзак заколебался; затем, побледнев еще сильнее, он с ужасом уставился на молодого человека и в неописуемом смятении тотчас выскочил из экипажа.

– Пойдемте, пойдемте, – запинаясь проговорил он и вдруг повторил с какой-то яростью: – Да пойдемте же, сударь!

После этого, не говоря более ни слова, он повернул одноколку к замку; Рультабийль шел рядом, все еще держа лошадь под уздцы. Я обратился к Дарзаку, но он не ответил. Я вопросительно посмотрел на Рультабийля, однако и он не замечал меня.

Глава 6
В Дубовой роще

Мы подошли к замку. Древний донжон связывал старую часть замка, полностью перестроенную при Людовике XIV, с новым зданием в стиле Виолле-ле-Дюка[4], где находился главный вход. Никогда еще мне не приходилось видеть столь оригинальной, уродливой и, главное, столь странной архитектуры, как это причудливое сочетание разных стилей. Замок был ужасен и вместе с тем привлекателен. Подойдя поближе, мы увидели двух жандармов, прогуливавшихся перед маленькой дверцей, которая вела в первый этаж донжона. Нам стало ясно, что в этом помещении, служившем некогда темницей, а теперь просто кладовкой, заперты привратники, супруги Бернье.

Через широкие двери с козырьком Робер Дарзак провел нас в новую часть замка. Рультабийль, оставивший одноколку на попечение слуги, не спускал с Дарзака глаз; проследив за его взглядом, я увидел, что он прикован к рукам профессора Сорбонны, на которых были надеты перчатки. Когда мы вошли в небольшую гостиную, уставленную старинной мебелью, г-н Дарзак повернулся к Рультабийлю и довольно резко

---

[4] Французский архитектор, историк и писатель, реставратор замков (1814–1879).

спросил:

– Что вам угодно? Я вас слушаю.

– Мне угодно пожать вам руку! – не менее резко ответил репортер.

– Что это значит? – попятился Дарзак.

Очевидно, он понял то же, что и я: мой друг подозревал его в совершении страшной попытки убийства. Ему показалось, что кровавый отпечаток руки в Желтой комнате… Я увидел, что этот человек с высокомерным выражением лица и обычно пронзительным взглядом как-то странно растерялся. Он протянул правую руку, указывая на меня:

– Вы друг господина Сенклера, который неожиданно очень помог мне когда-то в одном деле, поэтому, сударь, я не вижу причин отказываться пожать вам руку.

Рультабийль не взял протянутой руки, а с невероятной наглостью принялся врать:

– Сударь, я провел несколько лет в России и привык там не пожимать руку в перчатке.

Я думал, что профессор Сорбонны на этот раз даст волю собиравшемуся в нем гневу, однако тот с видимым усилием совладал с собой, снял перчатки и показал руки. Никаких шрамов на них не было.

– Теперь вы удовлетворены?

– Нет! – ответил Рультабийль. – Дорогой мой, – обратился он ко мне, – я вынужден просить вас оставить нас ненадолго одних.

Я откланялся и ушел, пораженный тем, что только что увидел и услышал, и не понимая, почему Робер Дарзак не выбросил за дверь моего бесцеремонного, несправедливого и глупого друга. Я был зол на Рультабийля за его подозрения и неслыханную сцену с перчатками.

Минут двадцать я прогуливался перед замком, безуспешно пытаясь связать между собой события этого утра. Что пришло в голову Рультабийлю? Неужели он считает, что Дарзак – убийца? Как он может думать, что человек, который через несколько дней должен был жениться на м-ль Стейнджерсон, пробрался в Желтую комнату, чтобы убить свою невесту? К тому же я так и не узнал, каким образом убийца покинул Желтую комнату; я полагал, что, пока эта неразрешимая загадка не будет объяснена, никто не должен никого подозревать. И что означает эта бессмысленная фраза, накрепко врезавшаяся мне в память: «Дом священника все так же очарователен, а сад все так же свеж»? Мне хотелось поскорее остаться наедине с Рультабийлем, чтобы задать ему этот вопрос.

Наконец молодой человек и Робер Дарзак вышли из замка. К своему удивлению, я сразу заметил, что они прекрасно между собою поладили.

– Мы идем в Желтую комнату, – сказал Рультабийль, – пойдемте с нами. Да, вы же знаете, я пригласил вас на целый день, так что позавтракаем где-нибудь поблизости.

– Вы позавтракаете здесь, со мной, господа.

– Нет, благодарю, – отозвался молодой человек. – Мы позавтракаем в трактире «Донжон».

– Вам не понравится там. У них вы ничего не найдете.

– Вы так думаете? А я надеюсь найти там кое-что, – ответил Рультабийль и повернулся ко мне: – После завтрака мы еще поработаем: я напишу статью, и, надеюсь, вы будете настолько добры, что отвезете ее в редакцию.

– А вы? Разве вы не вернетесь со мной?

– Нет, я переночую здесь.

Я посмотрел на Рультабийля. Он говорил совершенно серьезно, а Робер Дарзак не выказывал никаких признаков удивления.

Проходя мимо донжона, мы услышали доносящиеся из него вздохи и сетования.

– Почему арестовали этих людей?

– Тут есть доля и моей вины, – проговорил Дарзак. – Вчера я заметил следователю, что услышать револьверные выстрелы, одеться и пробежать довольно большое расстояние от их жилища до павильона, и все это за две минуты, – дело невероятное, а ведь между револьверными выстрелами и встречей привратников с папашей Жаком прошло не более двух минут.

– Да, что-то здесь нечисто, – признался Рультабийль. – А они были одеты?

– Это-то и невероятно – одеты целиком и полностью, причем тепло. У нее на ногах были сабо, у него – зашнурован-

ные башмаки. Они утверждают, что легли спать как обычно – в девять. Сегодня утром следователь привез с собой из Парижа револьвер – такой же, каким было совершено преступление (он не хотел трогать вещественное доказательство), и письмоводитель дважды выстрелил из него в Желтой комнате при закрытом окне и двери. Мы со следователем были в привратницкой и ничего не услышали, да и невозможно было услышать. Привратники лгут, в этом нет сомнения. Они не спали и находились неподалеку от павильона, чего-то ожидая. Конечно, в совершении покушения их не обвиняют, но то, что они сообщники, вполне возможно. Вот господин де Марке и велел их арестовать.

– Если бы они были сообщниками, то пришли бы полуодетыми, а скорее всего, не пришли бы вовсе, – заметил Рультабийль. – Спешить в объятия правосудия, да еще с такими уликами? Нет, на сообщников они не похожи. Я вообще не верю, что в этом деле у преступника есть сообщники.

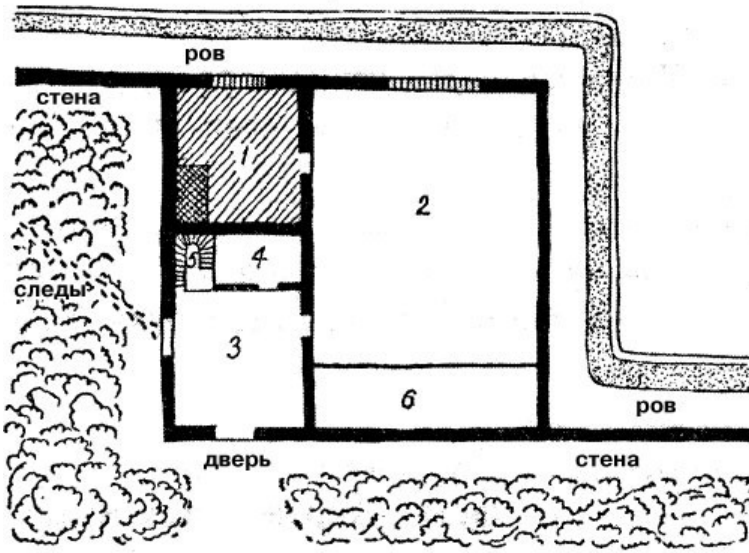
– Тогда почему же в полночь они оказались не дома? Пусть объяснят.

– У них, бесспорно, есть причины молчать. Знать бы только какие. Но даже если они не сообщники, это может быть важно. Важно все, что происходит в такую ночь.

Мы прошли по мосту через Дув и оказались в той части парка, которая называлась Дубовая роща. Здесь росли столетние дубы. Осень уже сморщила их желтые листья; черные кривые ветви напоминали жуткие волосы, сплетение чудо-

вищных змей, которых античный скульптор изобразил на голове Медузы. Место это, где летом жила м-ль Стейнджерсон, находившая его веселым, нам показалось мрачным и унылым. Черная почва с полусгнившими листьями из-за недавних дождей превратилась в грязь, стволы деревьев тоже были черны, и даже небо, по которому мчались большие тяжелые тучи, выглядело траурным. Вот в этом-то угрюмом уединенном месте мы увидали белые стены павильона. Здание без окон (нам их не было видно) и с единственной дверью производило странное впечатление: гробница или огромный мавзолей в глуши заброшенного леса. Когда мы приблизились к павильону, нам стало ясно, как он расположен: все его окна выходили на другую сторону – в поле. Единственная маленькая дверь выходила в парк; это было идеальное убежище, где г-н и м-ль Стейнджерсон жили наедине со своими трудами и мечтаниями.

Я привожу здесь план первого этажа павильона; туда ведут несколько ступенек; чердак в данном случае нас не интересует. Нарисовал этот план Рультабийль, а мне лишь остается подтвердить, что в нем не пропущена ни одна линия, ни одна деталь, способная помочь в решении загадки, которая встала перед правосудием. Имея в своем распоряжении этот план и легенду к нему, читатель будет знать столько же, сколько знал Рультабийль, когда впервые зашел в павильон и когда все задавались одним вопросом: «Каким образом преступник мог скрыться из Желтой комнаты?»

План павильона:

1. Желтая комната с единственным зарешеченным окном и единственной дверью, выходящей в лабораторию.

2. Лаборатория с большими зарешеченными окнами и двумя дверьми: в переднюю и в Желтую комнату.

3. Передняя с окном без решетки и входной дверью, ведущей в парк.

4. Туалет.

5. Лестница на чердак.

6. Большой камин, служащий для лабораторных опытов.

Перед ступеньками, ведущими в павильон, Рультабийль остановился и внезапно спросил у Дарзака:

– А мотив преступления?

– У меня, сударь, на этот счет нет никаких соображений, – печально ответил жених м-ль Стейнджерсон. – Следы пальцев, глубокие царапины на груди и шее мадемуазель Стейнджерсон свидетельствуют о том, что негодяй проник сюда и попытался ее убить. Судебные медики, изучившие вчера следы, утверждают, что оставила их та же рука, что сделала кровавый отпечаток на стене, – громадная рука, сударь, которая никак не влезет в мою перчатку, – добавил он с горькой, едва заметной улыбкой.

– А кровавый отпечаток, – прервал я, – не могла оставить мадемуазель Стейнджерсон? Что, если она, защищаясь, скользнула окровавленной рукой по стене и оставила увеличенный отпечаток?

– У мадемуазель Стейнджерсон не было на руках ни капли крови, – возразил Робер Дарзак.

– Стало быть, теперь ясно, – продолжал я, – что из револьвера папаши Жака стреляла она и ранила убийцу в руку. Значит, она опасалась кого-то или чего-то.

– Возможно.

– Вы никого не подозреваете?

– Нет, – ответил Дарзак, взглянув на Рультабийля.

Тогда мой друг обратился ко мне:

– Вам следует знать, дорогой мой, что следствие продвинулось несколько дальше, чем соблаговолил нам рассказать наш скрытный господин де Марке. Следствию уже известно не только оружие, которым оборонялась мадемуазель Стейнджерсон, но и оружие, которым воспользовался убийца для нападения на нее. Это, как сказал мне господин Дарзак, кастет. Почему господин де Марке окружил кастет такой тайной? С намерением облегчить работу агентам полиции. По-видимому, он воображает, что среди хорошо известных им отбросов парижского общества удастся найти владельца этого орудия преступления, одного из самых страшных, когда-либо придуманных человеком. А потом, разве можно догадаться, что происходит в мозгу у следователя? – добавил Рультабийль с презрительной иронией.

– Значит, в Желтой комнате нашли кастет? – спросил я.

– Да, сударь, – отозвался Робер Дарзак, – возле ножки кровати. Но умоляю, никому не говорите. Господин де Марке просил нас держать это в тайне. – Я кивнул. – Шип этого громадного кастета был еще в крови от страшной раны, нанесенной мадемуазель Стейнджерсон. Судя по виду, кастет не новый и, вероятно, уже послужил орудием нескольких преступлений. Так думает господин де Марке, который отправил его в Париж, в лабораторию на анализ. Он надеется найти на нем, кроме свежих следов, еще и пятна засохшей крови, свидетельствующие о прошлых преступлениях.

– В руках опытного убийцы кастет – страшное оружие,

даже более эффективное и надежное, чем тяжелый молоток, – заметил Рультабийль.

– Негодяй это и доказал, – горестно вздохнул Дарзак. – Мадемуазель Стейнджерсон нанесли им сильнейший удар в голову. Форма шипа кастета соответствует ране. Мне кажется, она была бы смертельной, не помешай убийце выстрел мадемуазель Стейнджерсон. Раненный в руку, убийца выронил кастет и скрылся. Но, к несчастью, удар уже был нанесен, а она, после того как он пытался ее задушить, находилась в полубессознательном состоянии. Если бы мадемуазель Стейнджерсон удалось ранить негодяя первым выстрелом, я уверен, до кастета дело бы не дошло. Но, вероятно, она схватила револьвер слишком поздно, первая пуля в процессе борьбы прошла мимо и угодила в потолок, и лишь вторая…

С этими словами Дарзак постучался в дверь павильона. Можете себе представить, до какой степени мне хотелось попасть на место преступления! Я весь дрожал от нетерпения и, несмотря на то что разговор о кастете был чрезвычайно любопытен, просто кипел, так как беседа наша затягивалась, а дверь не открывалась.

Наконец она отворилась. На пороге стоял человек, в котором я признал папашу Жака.

Мне показалось, что ему далеко за шестьдесят. Длинная седая борода, седые волосы, прикрытые баскским беретом, поношенные штаны и куртка из светло-коричневого бархa-

та, на ногах сабо; мрачное и неприветливое лицо при виде Робера Дарзака прояснилось.

– Это друзья, – просто сказал наш провожатый. – В домике кто-нибудь есть, папаша Жак?

– Мне приказано никого не впускать, господин Робер, но к вам это, конечно, не относится. А почему не пускать? Ведь судейские уже осмотрели что нужно. Понарисовали уйму планов, понасоставляли протоколов…

– Простите, господин Жак, прежде всего один вопрос, – перебил его Рультабийль.

– Спрашивайте, молодой человек. Если смогу…

– Скажите, в тот вечер волосы у вашей хозяйки были причесаны на прямой пробор – знаете, гладкая прическа, закрывающая виски?

– Нет, сударь, хозяйка никогда не носила волосы на прямой пробор – ни в тот вечер, ни еще когда. Они были, как обычно, собраны у нее на затылке, так что открывали ее прекрасный лоб, чистый, словно у новорожденной.

Рультабийль, пробормотав что-то сквозь зубы, принялся осматривать дверь. Запиралась она и в самом деле автоматически. Репортер понял, что остаться открытой она не могла, а чтобы ее отпереть, нужен был ключ. Затем мы вошли в переднюю – маленькую, довольно светлую комнатку, выложенную красной плиткой.

– А вот и окно, через которое убежал преступник! – воскликнул Рультабийль.

– Да пусть они говорят что хотят, сударь! Если бы он убежал через него, мы бы увидели – как же иначе? Мы ж не слепые – ни мадемуазель Стейнджерсон, ни я, ни привратники, которых они упрятали за решетку. Почему ж они из-за моего револьвера не упрятали и меня тоже?

Тем временем Рультабийль отворил окно и принялся осматривать ставни.

– Они были закрыты в тот вечер?

– Изнутри, на железную щеколду, – ответил папаша Жак. – Что до меня, я уверен, что убийца прошел насквозь.

– Там есть пятна крови?

– Да, вот здесь, на камне снаружи. Только вот чьей крови?

– Смотрите-ка! – воскликнул Рультабийль. – Отпечатки ног… вон там, на дорожке… земля была очень мокрая… Сейчас посмотрим.

– Глупости! – прервал его папаша Жак. – Убийца там не проходил.

– Тогда где же?

– Откуда мне знать!

Рультабийль осматривал все чрезвычайно внимательно. Встав на колени, он начал быстро оглядывать грязные плитки пола в прихожей.

– Нет, сударь, здесь вы ничего не найдете, – снова вмешался папаша Жак. – Ничего никто не нашел. Да и больно здесь грязно, слишком много народу прошло. Мне сказали, чтобы я не мыл пол, но в тот день я своими руками хорошенько его

вымыл, так что, если бы убийца тут пробегал, было бы видно – остались же отпечатки его башмаков в комнате барышни!

– Когда вы здесь мыли в последний раз? – поднявшись с колен, спросил Рультабийль и уставился на папашу Жака своими проницательными глазками.

– Да говорю же вам, в день преступления! Примерно в половине шестого, пока барышня гуляла с отцом перед обедом – обедали они в тот день в лаборатории. На другой день, когда приехал следователь, следы на земле были видны как на ладони. Так вот, ни в лаборатории, ни в передней, которая блестела как стеклышко, никаких следов этого человека не нашли. Но раз их нашли снаружи, под окном, значит, он пробил потолок Желтой комнаты, прошел по чердаку, пробил крышу и спрыгнул прямо под окно прихожей. Хорошо, но ведь ни в потолке Желтой комнаты, ни у меня на чердаке никакой дыры нет. Так что видите – никто ничего не знает и, могу поклясться, никогда не узнает! Какое-то бесовское наваждение!

Внезапно Рультабийль снова встал на колени, на этот раз перед выходившей в переднюю дверью небольшой туалетной комнаты.

– И что же? – спросил я, когда он, простояв так с минуту, поднялся.

– Да нет, ничего существенного – капелька крови, – ответил молодой человек и повернулся к папаше Жаку: – Когда вы начали мыть лабораторию и переднюю, окно в передней

было открыто?

– Мне пришлось его открыть, потому что я растопил в лаборатории печь для профессора и она, как обычно, дымила. Я и открыл окна в лаборатории и передней, чтобы устроить сквозняк, потом окно в лаборатории закрыл, а в передней оставил открытым. После вышел ненадолго в замок взять тряпку – было примерно половина шестого, как я уже вам говорил, – вернулся и принялся мыть пол, потом снова ушел. Окно в передней все это время было открыто. Когда же я в последний раз вернулся в павильон, окно было закрыто, а хозяин и хозяйка работали в лаборатории.

– Окна закрыли, конечно, отец с дочерью, когда вошли в павильон?

– Конечно.

– Вы их об этом не спрашивали?

– Нет.

Тщательно осмотрев туалетную комнату и площадку лестницы, ведущей на чердак, Рультабийль, который, казалось, забыл о нашем существовании, вошел в лабораторию. Я последовал за ним, признаюсь, в большом волнении. Робер Дарзак следил за каждым движением моего друга. Мои же глаза сразу остановились на двери Желтой комнаты. Она была закрыта или скорее притворена, так как те, кто в ту ночь пытался вышибить ее ногами, в конце концов наполовину ее разломали.

Мой молодой друг, делавший все весьма методично, мол-

ча обвел комнату взглядом. Она была просторна и светла. Два забранных решеткой громадных окна выходили на широкое поле. Из них открывался чудесный вид на просеку в лесу и всю долину, вплоть до города, который, наверное, можно было различить в солнечные дни. Но сегодня не видно было ничего, кроме грязной земли, темного неба да следов крови в комнате.

Одну стену лаборатории целиком занимал большой камин, а также всяческие тигли и горны, необходимые для химических опытов. Повсюду стояли реторты и физические приборы, на столе – колбы, бумаги, папки, электрическая машина, гальванические элементы, аппарат, который, по словам Дарзака, профессор Стейнджерсон использовал для демонстрации распада материи под воздействием солнечного света, и тому подобное. Вдоль всех стен помещались застекленные шкафы с микроскопами, специальными фотографическими аппаратами и невероятным количеством разнообразных кристаллов.

Рультабийль сунул нос в камин, потом кончиками пальцев стал ворошить содержимое тиглей. Внезапно он выпрямился, держа полуобгоревший листок бумаги. Мы с Робером Дарзаком стояли у окна и беседовали; он подошел к нам и бросил:

– Сохраните-ка это, господин Дарзак.

Я склонился над обгорелым листком, который Робер Дарзак взял у Рультабийля.

Мне удалось разобрать на нем несколько слов:

священника очарователен
сад все свеж

Внизу стояла дата: *23 октября.*

Дважды за это утро меня поразили эти бессмысленные слова, и уже второй раз я заметил, что на профессора Сорбонны они произвели то же ошеломляющее действие. Прежде всего он бросил быстрый взгляд на папашу Жака. Но тот на нас не смотрел, занятый чем-то у другого окна. Тогда жених м-ль Стейнджерсон дрожащей рукой открыл бумажник, вложил туда листок и вздохнул:

– О Боже!

Тем временем Рультабийль забрался в камин и, стоя на кирпичном полу, внимательно рассматривал дымоход. Сужаясь, в полуметре над его головой тот был закрыт вмурованными в кладку железными листами, сквозь которые проходили три трубы, каждая диаметром сантиметров пятнадцать.

– Пролезть здесь невозможно, – объявил молодой человек, выбираясь из камина. – Даже если бы убийца попытался это сделать, все железки валялись бы на полу. Нет, искать нужно не здесь.

Затем Рультабийль стал осматривать мебель и отворять дверцы шкафов. После этого он обошел окна, которые признал препятствием непреодолимым и непреодоленным. У второго окна стоял в задумчивости папаша Жак.

– Что это вы там высматриваете, папаша Жак?

– Да вот смотрю, как этот полицейский кружит около пруда. Еще один умник, который увидит столько же, сколько остальные.

– Нет, знай вы Фредерика Ларсана, – отозвался Рультабийль, грустно качая головой, – вы бы так не говорили. Если кто-нибудь и найдет убийцу, то только он, уж поверьте!

И Рультабийль вздохнул.

– Прежде чем его искать, неплохо бы знать, как он потерялся, – упорствовал папаша Жак.

Наконец мы добрались до дверей Желтой комнаты.

– Вот за этими дверьми все и произошло! – провозгласил Рультабийль с торжественностью, которая при других обстоятельствах была бы просто смешной.

Глава 7,
в которой Рультабийль отправляется под кровать

Рультабийль толкнул дверь Желтой комнаты, остановился на пороге и произнес с волнением, причины которого я понял значительно позже:

– О! Духи Дамы в черном!

В комнате было темно. Папаша Жак хотел отворить ставни, но Рультабийль остановил его:

– А что, драма произошла в полной темноте?

– Нет, молодой человек, не думаю. Барышня очень любила, когда на столе горит ночник, и я каждый вечер, прежде чем она шла спать, зажигал его. Я ведь по вечерам был у нее за горничную. Настоящая горничная приходила только утром. Барышня работает по ночам так поздно!

– А где располагался стол, на котором стоял ночник? Далеко от постели?

– Далеко.

– Не могли бы вы сейчас его зажечь?

– Нет, когда стол опрокинули, он разбился, и масло вытекло. Но, кроме этого, здесь все осталось как было. Сейчас я отворю ставни, и вы увидите…

– Погодите!

Рультабийль вернулся в лабораторию и закрыл ставни обоих окон и дверь в переднюю. Когда мы оказались в непроглядной тьме, он зажег восковую спичку, отдал ее папаше Жаку и попросил его стать с нею посреди Желтой комнаты – там, где горел ночник.

Папаша Жак в своих домашних туфлях (сабо он, по обыкновению, оставил в передней) вошел в Желтую комнату, и в неярком мерцающем свете восковой спички мы различили перевернутую мебель, кровать в углу и слева, напротив нас, отблеск зеркала, висящего подле кровати. Через несколько секунд Рультабийль сказал:

– Довольно. Можете открыть ставни.

– Только не входите, – попросил папаша Жак. – Вы можете тут наследить, а все должно оставаться как есть. Это следователь придумал, хотя сам уже сделал что нужно.

Наконец ставни отворились. В комнату, оклеенную шафранными обоями, проник тусклый дневной свет, и нашим глазам открылся страшный беспорядок. На полу – в отличие от передней и лаборатории пол в Желтой комнате был дощатый – лежала желтая циновка, покрывавшая почти всю комнату и заходившая под кровать и туалетный столик – единственный, не считая кровати, предмет меблировки, оставшийся на ножках. Круглый стол посреди комнаты, ночной столик и два стула были опрокинуты, однако не закрывали большое пятно крови на циновке: папаша Жак объяснил, что это кровь из раны на лбу м-ль Стейнджерсон. Кроме того,

капельки крови виднелись повсюду, как бы следуя за хорошо заметными отпечатками ног убийцы. Это позволяло предположить, что кровь капала из раны человека, который в какой-то момент оперся окровавленной рукой о стену. На стене были и другие следы руки, но гораздо менее отчетливые.

– Смотрите! На стене кровь!.. – не удержался и воскликнул я. – Человек, который так сильно надавил рукой на стену, находился в темноте и, по-видимому, решил, что нащупал дверь. Он хотел ее толкнуть! Поэтому-то он и оперся так сильно, что оставил на желтых обоях страшный, обвиняющий его отпечаток – обвиняющий, ибо я не думаю, что в мире найдется так уж много подобных рук. Рука эта крупная и сильная, все пальцы почти одной длины, а большого не видно вообще. Здесь только отпечаток ладони. А если проследить за другими отпечатками руки, станет ясно, как убийца, опершись о стену, принялся ощупывать ее в поисках двери, нашел ее, начал искать замочную скважину…

– Все верно, – насмешливо перебил меня Рультабийль, – однако крови нет ни около скважины, ни около засова.

– Ну и что из того? – возразил я, гордясь своим здравым смыслом. – Он отпер дверь и отодвинул засов левой рукой, что вполне естественно: в правую руку он был ранен.

– Да ничего он не открывал! – вмешался папаша Жак. – Мы же не сумасшедшие. Когда дверь подалась, нас тут было четверо.

– Какая странная рука! – тем не менее продолжал я. – Вы

только посмотрите, до чего странная!

– Рука самая обычная, – отозвался Рультабийль, – а отпечаток смазан, потому что человек провел ею по стене. Он вытер раненую руку о стену. А ростом он был примерно метр восемьдесят.

– Откуда вы знаете?

– По высоте отпечатка руки над полом.

Вслед за этим мой друг занялся круглым отверстием, которое пуля проделала в стене.

– Пуля летела горизонтально, – объявил он. – Ствол револьвера не был наклонен ни вверх, ни вниз.

Сказав это, Рультабийль обратил наше внимание на то, что след от пули расположен на несколько сантиметров ниже кровавого отпечатка. Затем, повернувшись к двери, он принялся буквально обнюхивать замочную скважину и засов. Осмотр убедил его, что дверь действительно выломали снаружи, так как замок был заперт, засов задвинут, а скобы их почти сорваны и едва держались на одном шурупе каждая.

Юный сотрудник «Эпок» взглянул на них снова, потом принялся за дверь и, осмотрев ее с обеих сторон, убедился, что отодвинуть или задвинуть засов снаружи было невозможно, а также что ключ вставлен изнутри. Далее он удостоверился, что, когда ключ вставлен изнутри, отпереть дверь другим ключом снаружи нельзя. И наконец, убедившись в том, что дверь не снабжена никаким автоматическим запором, то есть представляет собою самую что ни на есть обыч-

ную дверь с весьма надежными замком и засовом, которые оставались закрытыми, он бросил: «Тем лучше!» – после чего уселся на пол и поспешно принялся разуваться.

Оставшись в носках, Рультабийль вошел в комнату. Прежде всего он весьма тщательно осмотрел опрокинутую мебель. Мы молча наблюдали за ним. Папаша Жак насмешливо заметил:

– Я смотрю, вы, сударь, прямо из кожи вон лезете.

– Вы сказали чистую правду, папаша Жак, – поднял голову Рультабийль. – В тот вечер ваша хозяйка не была причесана на пробор, а вот я, старый дурак, вбил себе это в голову.

Затем со змеиной гибкостью он скользнул под кровать. Папаша Жак продолжал:

– И только подумать, сударь, что убийца прятался под кроватью! Он ведь был уже там, когда в десять часов я зашел, чтобы закрыть ставни и зажечь ночник, – ведь ни господин Стейнджерсон, ни мадемуазель Матильда, ни я больше из лаборатории не выходили.

– А скажите, господин Жак, – послышался из-под кровати голос Рультабийля, – в котором часу хозяин и мадемуазель последний раз пришли в лабораторию?

– В шесть.

– Да, он был здесь, это точно, – опять зазвучал голос журналиста. – К тому же тут больше и спрятаться-то негде… А когда вы вошли сюда вчетвером, под кровать вы заглядывали?

– Сразу же. Мы ее вверх дном перевернули, прежде чем поставить на место.

– А между матрасами смотрели?

– На кровати был только один матрас, на который мы положили барышню. Потом привратник и господин Стейнджерсон тут же отнесли ее на этом матрасе в лабораторию. А под ним была лишь металлическая сетка, сквозь которую все видно. Да и не забывайте, сударь, что нас было четверо, ускользнуть от нас ничто не могло – комнатка маленькая, мебели почти нет, дверь в павильон закрыта.

Я решил высказать предположение:

– А может, он покинул комнату вместе с матрасом? Может, даже в матрасе. Случай столь таинствен, что все возможно! Господин Стейнджерсон и привратник были возбуждены и могли не обратить внимания, что несут двойной вес. А вдруг привратник – сообщник? Предположение не хуже и не лучше любого другого, однако оно объясняет многое, например, отсутствие отпечатков ног в лаборатории и передней. Когда мадемуазель несли из лаборатории в замок, перед окном могли ненадолго остановиться, и преступник получил возможность спастись…

– И что дальше? Дальше-то что? – весело рассмеявшись, спросил из-под кровати Рультабийль.

– Кто его знает. Всякое возможно, – с досадой ответил я, а папаша Жак проговорил:

– Эта мысль, сударь, пришла в голову следователю, и он

велел хорошенько осмотреть матрас, а потом сам смеялся – так же, как смеется сейчас ваш приятель, потому что уж чего-чего, а двойного дна в матрасе не было. Да и потом, если бы в нем был кто-то, мы бы увидели.

В конце концов я тоже рассмеялся над своей глупостью. Но кто может сказать, где начинается и где кончается глупость в подобном деле? Сделать это мог лишь мой друг, да и то…

– Послушайте-ка! – воскликнул он, все еще лежа под кроватью. – Похоже, эту циновку снимали.

– Да, сударь, – подтвердил папаша Жак. – Когда мы увидели, что убийцы нет, мы подумали: а вдруг в полу дыра?

– Какая там дыра, – отозвался Рультабийль. – А погреб здесь есть?

– Нету. Но это нас не остановило, да и господин следователь, и особенно письмоводитель обнюхали каждую половицу.

Наконец репортер вылез из-под кровати. Глаза его сияли, ноздри раздувались – он походил на молодого зверя, возвращающегося с удачной охоты. К тому же он так и остался стоять на четвереньках. Нет, в самом деле, лучшего сравнения для него было не придумать: великолепный охотничий пес, идущий по следу какой-то невероятной дичи! Он вынюхивал следы человека – человека, о котором поклялся рассказать своему начальнику, главному редактору «Эпок»: не следует забывать, что наш Жозеф Рультабийль был журналистом.

Так, на четвереньках, он тщательно обшарил всю комнату, осматривая и то немногое, что видели мы, и то, чего мы не видели и чего, похоже, было немало.

Туалетный столик представлял собою просто доску на четырех ножках; укрытием, даже кратковременным, служить он никак не мог. Шкафа не было – гардероб м-ль Стейнджерсон находился в замке. Рультабийль принялся исследовать стены, сложенные из кирпичей. Ощупав своими ловкими пальцами желтые обои, он перешел к потолку, до которого добрался, поставив стул на туалетный столик и двигая это сооружение по всей комнате; закончив же с потолком и внимательно осмотрев след второй пули, он приблизился к окну и принялся изучать решетку и ставни: они были прочны и никаких следов взлома не имели. Наконец он удовлетворенно вздохнул и объявил, что теперь спокоен.

– Ну как, убедились, что наша бедняжка была крепко заперта, когда ее пытались убить и она звала на помощь? – жалобно спросил папаша Жак.

– Да, – ответил юный репортер, утирая лоб. – Могу поклясться, что Желтая комната была закрыта надежно, как сейф.

– Собственно говоря, – заметил я, – именно потому я и считаю, что это самая удивительная загадка, даже если обратиться к загадкам вымышленным. В «Убийстве на улице Морг» Эдгар По ни до чего подобного не додумался. Там тоже человек не мог проникнуть на место преступления, одна-

ко же было окно, через которое вошел преступник, оказавшийся обезьяной[5]. Но здесь никакого отверстия нет. Дверь заперта, ставни закрыты и не открывались, окно закрыто и не открывалось – муха и та бы не пролетела!

– В самом деле, – согласился Рультабийль, продолжавший утирать пот, который выступал, казалось, не столько от физических усилий, сколько от возбуждения. – В самом деле, это весьма серьезная, интересная и замысловатая загадка.

– Даже Божья Коровка, если это она совершила преступление, не могла бы ускользнуть отсюда, – продолжал ворчать папаша Жак. – Постойте-ка! Слышите? Тихо!

Папаша Жак сделал нам знак замолчать и, протянув руку к стене, за которой вдалеке находился лес, стал к чему-то прислушиваться.

– Ушла, – сказал он наконец. – Когда-нибудь я ее убью… Эта зверюга, эта Божья Коровка, приносит несчастье. Каждую ночь она вопит на могиле святой Женевьевы, и никто не осмеливается ее тронуть, все боятся, что матушка Молельщица наведет порчу.

---

[5] Конан Дойл рассматривает похожее преступление в рассказе «Пестрая лента». В закрытой комнате совершено страшное убийство. Кто преступник? Шерлок Холмс довольно скоро его разоблачил; в комнате была отдушина размером с монету, через которую и проникла «пестрая лента», то есть змея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.